

КЛАССИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

S. S.
VAN DINE

THE GREEN
MURDER CASE

С. С.
ВАН ДАЙН

ПРОКЛЯТИЕ
СЕМЬИ ГРИН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
В17

Серия «Классический детектив»

S. S. Van Dine

THE GREEN MURDER CASE

Перевод с английского А. Юшенковой

Серийное оформление и компьютерный дизайн
В. Половцева

Ван Дайн, С. С.

В17 Проклятие семьи Грин : [роман] / С. С. Ван Дайн ; [перевод с английского А. Юшенковой]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 352 с. — (Классический детектив).

ISBN 978-5-17-179149-0

Миллионер Тобиас Грин оставил весьма необычное завещание: чтобы получить наследство, его жена и пятеро детей должны четверть века прожить вместе в родовом имении.

Однако кто-то, похоже, задумал погубить всех членов семьи Грин, и вот уже двое из них — Джулия и Честер — убиты...

И поскольку полиция бессильна, к расследованию приступает знаменитый сыщик-любитель Фило Вэнс.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-179149-0

Школа перевода В. Баканова, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2025

Глава 1

ДВОЙНАЯ ТРАГЕДИЯ

(Вторник, 9 ноября, 10.00)

Я давно уже недоумеваю, почему ведущие авторы-криминалисты, такие как Эдмунд Лестер Пирсон, Г.Б. Ирвинг, Филсон Янг, Кэнон Брукс, Уильям Болито и Хэрролд Итон, не уделили должного внимания трагедии семейства Грин — выдающемуся, загадочному, практически уникальному делу в анналах преступности последних лет. Но, перечитывая собственные пространственные записи и изучая разнообразные документы, я вижу, сколь небольшое из этой истории стало достоянием общественности, и понимаю, что даже самое богатое воображение не помогло бы хроникерам восстановить белые пятна.

То, что лежит на поверхности, разумеется, широко известно. Больше месяца пресса двух континентов пестрела отчетами об ужасной трагедии, и даже краткого изложения хватало, чтобы удовлетворить жажду публики ко всему противоестественному и зрелищному. Однако то, о чем умалчивали, превосходит самый смелый полет фантазии, и, когда я сейчас берусь за перо, дабы предать огласке скрытые доселе факты, меня охватывает чувство нереальности, хотя я был сви-

Проклятие
семьи Грин

детелем большинства описываемых событий и имею в своем распоряжении неоспоримые доказательства.

О дьявольской изобретательности убийцы, уродливых психологических мотивах гнусного преступления и неожиданном источнике его практической стороны мир не знает ничего. Ни разу не объяснялись аналитические шаги, которые привели к разгадке, равно как и сопутствующие обстоятельства — драматичные и экстраординарные сами по себе. Общественность полагает, что дело было раскрыто обычными полицейскими методами. Но это потому лишь, что ей неизвестны ключевые факторы преступления, а департамент полиции и прокуратура, словно сговорившись, о многом умолчали. Из опасения ли, что им не поверят, или просто не желая говорить о столь ужасных вещах, — судить не берусь.

Отчет, который я здесь представляю, — первое полное, без купюр, изложение Гринов*. Я считаю, что люди должны наконец узнать правду, ибо это часть истории, а исторических фактов не следует сторониться. Кроме того, нужно отдать должное человеку, раскрывшему преступление.

Примечательно, что тот, кто пролил свет на тайну и положил конец веренице кошмарных убийств, никак не связан с полицией, и его имя не фигурирует ни в одном официальном отчете. Тем не менее, если бы не его необычные методы криминальной дедукции, чудовищный заговор против семейства Грин был бы полностью претворен в жизнь. Полиция в своих поисках догматично опиралась на внешние факторы,

ВАН
ДАЙН С.С.

* Само собой разумеется, я получил на это официальное разрешение. — *Примеч. авт.*

в то время как преступник действовал на уровне, недо-
ступном пониманию рядового следователя.

Человеком, который после недель упорного, изну-
рительного анализа проследил корень зла, был моло-
дой аристократ и близкий друг Джона Ф.К. Маркхэма,
окружного прокурора. Я должен хранить в тайне его
имя, но в этих хрониках решил называть его Фило Вэнс.
Несколько лет назад он перебрался из Америки на вил-
лу под Флоренцией и возвращаться не намерен, а пото-
му согласился на мою просьбу опубликовать рассказы
о криминальных расследованиях, в которых он участ-
вовал в качестве *amicus curiae**. Маркхэм также ушел
на покой, а сержант Эрнест Хис, храбрый и честный
сотрудник отдела по расследованию убийств, который
официально вел от лица полиции дело семейства Грин,
неожиданно получил наследство и осуществил давнюю
мечту — сейчас он разводит кур виандот на образцово-
показательной ферме в долине Мохок. Таким образом,
обстоятельства позволяют мне опубликовать личные
записи, касающиеся названной трагедии.

Немного о моем собственном участии в расследо-
вании. (Я говорю «участие», хотя на самом деле играл
роль пассивного наблюдателя.) Несколько лет я был
личным поверенным Вэнса. Я ушел из юридической
конторы своего отца и полностью посвятил себя юриди-
ческим и финансовым нуждам Вэнса, которых, кстати
сказать, было немного. Мы дружили еще с гарвард-
ских времен, и мои новые обязанности его юриста
и управляющего финансами были необременитель-

* Консультант, советник (лат.). — Здесь и далее примеч. пер., кро-
ме особо оговоренных случаев.

ны и, кроме того, давали немалые социальные и культурные привилегии.

Вэнсу на тот момент исполнилось тридцать четыре. Он был без малого шести футов ростом, худощав, подтянут и элегантен. Точеные черты лица привлекали силой и правильностью, но язвительная холодность выражения не позволяла назвать его красивым. В отстраненных серых глазах и прямом тонком носе читались одновременно жесткость и аскетизм. Суровость черт служила непробиваемой броней между ним и его приятелями. Тем не менее Вэнс отличался восприимчивостью и живостью и, несмотря на некоторую холодность и высокомерие, безусловно, производил завораживающее впечатление на тех, кто его мало-мальски знал.

Образование он получил преимущественно в Европе и все еще сохранял легкий оксфордский акцент, хотя в этом не было никакой аффектации: его слишком мало заботило мнение окружающих, чтобы беспокоиться о поддержании образа. Он был неутомимым студентом. Его ум вечно жаждал знаний, и значительную часть времени он предавался изучению этнологии и психологии. Главным интеллектуальным увлечением Вэнса было искусство, и, по счастью, он располагал средствами, чтобы удовлетворять свою страсть к коллекционированию. Однако именно интерес к практическому применению психологии заставил его впервые обратить внимание на криминальные проблемы, находившиеся в компетенции Маркхэма.

Ранее я уже писал, что первым расследованием с его участием было убийство Элвина Бенсона*.

* «Дело Бенсона». — *Примеч. авт.*

Далее последовала необъяснимая смерть знаменитой бродвейской красавицы Маргарет Оделл*. А поздней осенью того же года разразилась трагедия семейства Грин. Как и в первых двух случаях, я вел подробный отчет об этом новом деле. Я получил в свое распоряжение все возможные документы, сделал точные копии тех, что ушли в полицейский архив, и даже вкратце записал многочисленные разговоры, которые происходили между Вэнсом и официальными лицами во время совещаний и в частном порядке. Сверх того, я вел дневник, подробность и полнота которого заставили бы устыдиться даже Сэмюэла Пипса**.

Дело семейства Грин началось, когда подходил к концу первый год Маркхэма в должности окружного прокурора. Как вы, может быть, помните, зима выдалась ранняя. В ноябре случилось две сильнейшие метели, и количество выпавшего снега побило все местные рекорды за восемнадцать лет. Я упоминаю ранний снег, ибо он сыграл зловещую роль и был поистине ключевым фактором преступного плана. Никто до сих пор не понял и даже не заподозрил связь между аномальной погодой той поздней осени и фатальной трагедией, обрушившейся на дом Гринов, но это потому лишь, что темные подробности дела хранились в тайне.

Убийство Бенсона вторглось в жизнь Вэнса в результате непосредственного предложения со стороны Маркхэма, а участие в деле Канарейки было вызвано его собственным желанием помочь. Однако расследование в особняке Гринов коснулось его по

* «Смерть Канарейки». — *Примеч. авт.*

** Сэмюэл Пипс (1633–1703) — английский чиновник и автор знаменитого дневника о повседневной жизни лондонцев.

чистой случайности. В течение двух месяцев, которые прошли после убийства Канарейки, Маркхэм несколько раз обращался к Вэнсу по спорным вопросам в ходе своей рутинной работы, и именно во время неофициального обсуждения одной из таких проблем было впервые упомянуто дело семейства Грин.

Маркхэм и Вэнс были старыми друзьями. Несмотря на разницу во вкусах и даже этических взглядах, они испытывали друг к другу глубокое уважение. Я часто удивлялся дружбе этих противоположностей, но с течением лет стал все больше ее понимать. Их тянули друг к другу те самые качества, которые — как каждый из них, возможно, не без тайного сожаления признавал — отсутствовали в их собственной натуре. Маркхэм был прямолинеен, грубоват, порою властен, смотрел на жизнь с мрачной озабоченностью и, несмотря ни на какие преграды, следовал велению своей юридической совести: честный, неподкупный и неутомимый. Вэнса же отличали беспечность, изысканные манеры и вечный цинизм Ювенала. Иронически улыбаясь пред лицом самой горькой реальности, он неизменно играл роль капризно-равнодушно-го наблюдателя. При этом он разбирался в людях так же хорошо, как в искусстве, и поразительно точно проникал в их мотивы и характеры, в чем у меня неоднократно была возможность убедиться. Маркхэм знал об этих качествах Вэнса и ценил их по достоинству.

Не пробило еще и десяти часов утра, когда девятого ноября мы с Вэнсом подъехали к старому зданию уголовного суда на углу Фрэнклин и Сентер-стрит и поднялись на четвертый этаж в кабинет окружного прокурора. В тот знаменательный день Маркхэм проводил перекрестный допрос двух гангстеров,

которые обвиняли друг друга в смертельном выстреле во время вооруженного ограбления кассы. Следовало определить, кому из двоих предъявлять обвинение в убийстве, а кого задерживать как соучастника и свидетеля. Маркхэм и Вэнс обсуждали ситуацию накануне вечером в клубе «Стайвесант», и Вэнс выразил желание присутствовать на допросе, на что Маркхэм с готовностью согласился. Этим и объясняется наш ранний визит.

По окончании часового допроса Вэнс пришел к неожиданному выводу, что оба мужчины невиновны.

— Знаете, Маркхэм, — протянул он, когда шериф увел заключенных обратно в городскую тюрьму, — эти два Джека Шеппарда* абсолютно искренни: каждый уверен, что говорит правду. *Ergo*** , не стрелял ни тот, ни другой. Вот незадача. Совершенно очевидно, что они негодяи и по ним виселица плачет, и чертовски жаль, что нельзя логически завершить их карьеру... Послушайте, а не было в ограблении третьего участника?

Маркхэм кивнул.

— Третий сбежал. Они говорят, что это Эдди Малеппо, известный гангстер.

— Значит, Эдуардо вам и нужен***.

Маркхэм не ответил, и Вэнс лениво поднялся и протянул руку к пальто.

* Знаменитый лондонский разбойник XVIII века, герой песен и баллад.

** Следовательно (*лат.*).

*** Вэнс оказался прав. Почти год спустя Малеппо арестовали в Детройте, экстрадировали в Нью-Йорк и признали виновным в убийстве. Два его подельника были благополучно осуждены за ограбление и отбывают длительные сроки в тюрьме «Синг-Синг». — *Примеч. авт.*

— Кстати, — сказал он, одеваясь, — я смотрю, наша жизнерадостная пресса сегодня украсила первые страницы заголовками о погроме в старом особняке Гриннов. Что там вчера произошло?

Маркхэм быстро взглянул на часы на стене и помрачнел.

— Вы мне кое-что напомнили. Честер Грин звонил сегодня ни свет ни заря и настаивал на встрече. Я просил его прийти в одиннадцать.

— При чем здесь вы? — Вэнс отпустил дверную ручку и вытащил портсигар.

— А ни при чем! — огрызнулся Маркхэм. — Но люди думают, что кабинет окружного прокурора — это такая клиринговая контора на все случаи жизни. Правда, Честера Грина я знаю давно — мы вместе играем в гольф в клубе «Мэрилебон». Так что придется выслушивать его стенания, хотя все ясно как день: кто-то пытался присвоить их знаменитое столовое серебро.

— Ограбление, говорите? — Вэнс несколько раз затянулся сигаретой. — И при этом подстрелили двух женщин?

— А! Несчастный случай! По всему видно — непрофессионал. Запаниковал, устроил стрельбу и сбежал.

— Звучит чертовски любопытно. — Вэнс рассеянно опустил в большое кресло у двери. — Старинное серебро пропало?

— Все на месте. Вора, очевидно, спугнули, и он не успел ничего взять.

— Не слишком ли сложно? Вор-непрофессионал проникает в богатый дом, бросает алчный взгляд на столовое серебро, пугается, идет наверх и палит по двум женщинам в будуарах, а затем скрывается...

Очень трогательно. Откуда такая душещипательная теория?

Маркхэм готов был вскипеть, но сдержался.

— Когда прошлой ночью перенаправили звонок из управления, дежурил Федерджилл. Он выехал на место вместе с полицией и согласен с их выводами*.

— Я, так и быть, подожду и послушаю, зачем Честеру Грину понадобилось с вами любезничать.

Маркхэм поджал губы. В то утро он был не в лучшем расположении духа, и легкомысленное любопытство Вэнса его задело. Секунду спустя он неохотно сказал:

— Ну, если неудачное ограбление так вас интересует, можете, если очень хотите, остаться и послушать.

— Я останусь, — улыбнулся Вэнс, снимая пальто. — Я слаб — просто не могу отказать, когда меня умоляют... И который из Гринов Честер? Кем он приходится покойным?

— Покойной, — снисходительно поправил Маркхэм. — Старшая дочь, незамужняя женщина сорока с небольшим, умерла сразу. У младшей, в которую тоже стреляли, кажется, есть шанс выкарабкаться.

— А Честер?

— Честер — старший сын, ему около сорока. Он первый оказался на месте после выстрелов.

— А другие члены семьи? Я знаю, что старый Тобиас Грин отправился к своему Создателю.

— Да, Тобиас умер лет двенадцать назад. Но жена его все еще жива, хотя и парализована. Помимо нее, есть — вернее, было — пятеро детей: старшая,

* Амос Федерджилл занимал должность заместителя окружного прокурора. Впоследствии он успешно баллотировался в Ассамблею от демократической партии. — *Примеч. авт.*

Джулия; Честер; еще одна дочь, Сибелла, которой, я бы сказал, нет тридцати; Рекс, болезненный, погруженный в книги молодой человек, младше Сибеллы примерно на год, и Ада, приемная дочь лет двадцати двух или двадцати трех.

— И убили Джулию, так? А которая из двух других ранена?

— Младшая, Ада. Если не ошибаюсь, ее комната — напротив, на другой стороне коридора, и вор попал туда случайно, когда искал выход. Насколько я понимаю, он вошел к ней сразу после убийства Джулии, увидел, что ошибся, снова выстрелил, а затем спустился вниз и скрылся через парадную дверь.

Некоторое время Вэнс молча курил.

— Ваш гипотетический грабитель заблудился не на шутку, если принял спальню Ады за лестницу, а? И потом, спрашивается: что этот неизвестный джентльмен, заглянувший за столовым серебром, делал наверху?

— Вероятно, искал драгоценности. — Терпение Маркхэма стремительно таяло. — Мне-то откуда знать? — В его голосе сквозила ирония.

— Ну-ну, Маркхэм! — примирительно сказал Вэнс. — Не обижайтесь. Ограбление у Гринов обещает прекрасную пищу для научного анализа. Позвольте мне удовлетворить свою праздную прихоть.

В это мгновение открылась дверь, выходящая в узенький тамбур между кабинетом окружного прокурора и приемной, и вошел Свэкер, молодой энергичный секретарь Маркхэма.

— К вам Честер Грин, — объявил он.

Глава 2

РАССЛЕДОВАНИЕ НАЧИНАЕТСЯ

(Вторник, 9 ноября, 11.00)

Достаточно было одного взгляда, чтобы понять: посетитель крайне встревожен. Впрочем, это не вызвало сочувствия. Честер Грин не понравился мне с первой секунды. Он был среднего роста, лысоват, довольно тучен и весь какой-то рыхлый. В одежде, несмотря на педантизм, сквозила наигранность. Я отметил излишне тугие манжеты, нарочито строгий ворот и яркий шелковый платок, театрально выглядывавший из нагрудного кармана. Припухшие веки над близко посаженными глазами наводили на мысль о больных почках. Добавьте к этому светлые короткие усы, вялый рот, слабый подбородок и резкую складку под нижней губой. Мне он показался олицетворением холеной праздности.

Окружной прокурор пожал гостю руку и представил ему нас с Вэнсом. Грин сел, вынул дорогую русскую сигарету в коричневой бумаге и аккуратно вставил ее в янтарный с золотом мундштук.

— Вчера в нашей берлоге произошло черт-те что, — начал он, щелкая зажигалкой из слоновой кости. — Маркхэм, займитесь этим лично, а? Очень меня обяжете. Что полиция? Таким манером они ни-

Проклятие
семьи Грин